

Мумий Тролль в роли слушателя

Автор и читатель, режиссер и зритель, музыкант и слушатель... Все человечество условно можно разделить на две категории: производителей и потребителей, связующим звеном между которыми является продукт, одними произведенный, а другими потребляемый. В остальном же между ними — пропасть. Как между музыкантами и аудиофилами, если взять наиболее профильную аудиторию наших читателей. У каждого из них своя система ценностей. Одним словом, «берег левый, берег правый»... И далеко не всегда есть возможность побывать на противоположном берегу, «подышать «чужим» воздухом». Михаил Кучеренко не теряет надежды навести переправу, которая надежно свяжет музыканта со слушателем, сделав бывших оппонентов партнерами. Это позволит слушателю (а тем более аудиофилу) получить ответы на многие извечные вопросы, а музыканту — добиться того, чтобы художественный замысел с меньшими потерями доходил до аудитории и воспринимался именно так, как было задумано. И пусть это «неформальное интервью», данное Ильей Лагутенко (группа *Мумий Тролль*) специально для читателей журнала **АудиоМагазин**, ляжет в основу «моста», который нужен нам всем.

М. К. Илья, недавно я дал тебе посмотреть один из выпусков **АудиоМагазина**. Что скажешь по поводу этого журнала и подобных изданий? И вообще, как часто ты читаешь аудиофильскую прессу?

И. Л. Вообще-то практически совсем не читаю. Для меня это какая-то новая, неведомая область. Как будто читаешь учебник по совершенно незнакомым тебе наукам. Хотя в том номере я нашел материал, который прочел с интересом, — интервью Бориса Гребенщикова.

М. К. Насколько близко тебе то, что он говорил по нашей тематике?

И. Л. Знаешь, я не имею склонности проецировать чужие мысли на свое мировоззрение. Могу прислушаться к мнению профессионала, коллеги, как в данном случае. Но только прислушаться, не вступая во внутреннюю полемику. А потом, к тематике этой я имею такое же отношение, как обычный автолюбитель к гоночным автомобилям. У меня есть друг, который вечно недоволен своими машинами, постоянно их меняет и пытается мне объяснить, что именно его не устраивает. А я ему отвечаю: это ты — гонщик, а я просто ездю по разметке, по знакам, по сигналам светофоров.

М. К. А если перевести разговор на аппаратуру, ведь это все-таки ближе к твоей области...

И. Л. К аппаратуре, как мне кажется, у каждого имеется свое отношение, свой подход. Вот хотя бы, не так давно — уже после того, как я поставил у себя **АС Magnepan**, — ко мне наведьдался знакомый дизайнер. Увидел их — и пришел в ужас: «Зачем?! Зачем ты убил такой интерьер этими монстрами?!» Для него главный жизненный приоритет — организация пространства, как он его себе представляет. А мне в этом пространстве важно жить, слушать музыку. И музыка для меня ничуть не менее приоритетна, чем интерьер!

М. К. Знаешь, как, наверное, должна звучать лучшая в мире реклама аппаратуры *high end*? «Надежное средство от тараканов и дизайнеров»!..

И. Л. Погоди, это еще не все: потом пришел другой мой знакомый, архитектор, и говорит: «Какие миленькие ширмочки! Не вздумай их убирать — тут же умрет вся композиция».

М. К. Не видишь ли ты противоречия в том, что музыку, образно говоря, делают на одной аппаратуре, а слушают совсем на другой?

И. Л. Я бы сказал — и нет, и да. Студийная аппаратура — это набор специализированных орудий труда, с помощью которых музыкант и звукорежиссер могут добиться того, чего они хотят. Одни предпочитают, скажем, аппаратуру **Yamaha**, потому что она в большей степени отвечает их задачам, другие что-то иное. Но вместе с тем, когда производится некий продукт широкого пользования, например, популярная музыка, я считаю, что обязательно нужно проверять, как она будет звучать на том, на чем ее будут слушать на практике. И на бумбоксе, и на обычном радиоприемнике. Если, конечно, музыканту не все равно, дойдет ли его замысел до других людей, не исказившись при этом до неузнаваемости.

А путь состоящей из звуков картины, которая рождается в голове музыканта, к слушателю долг и труден. На каждом его этапе полно препятствий, и из-за них очень легко сбиться с пути, «свернуть в сторону». Конечно, самый сложный — первый этап. Ведь в силу технических причин музыкант может элементарно не сыграть музыку так, как он сам ее слышит. Не суметь выразить свои внутренние ощущения. Но даже если это ему удастся, еще не факт, что у слушателя возникнет такой же образ. Близкое к оригиналу воспроизведение музыкального содержания — это задача-максимум. Чтобы ее решить, нужно в первую очередь четко понять, чего ты хочешь и от себя самого, и от других музыкантов, разобраться с тем, что у каждого звучит внутри, и привести это к общему знаменателю. Без этого любые усилия на последующих этапах окажутся бесполезны. А для того чтобы реально оценить уже сделанное, нужен монитор, которому ты можешь безоговорочно доверять. Таким «монитором» и стала для меня моя аудиосистема из ламповых компонентов **Manley** и колонок **Magnepan**. Тем самым «музыкальным зеркалом», в которое мне не страшно посмотреться.

М. К. То есть ты хочешь сказать, что эта система полностью тебе подходит и как слушателю, и как музыканту?

И. Л. Абсолютно. Из всех аудиосистем, что у меня были, эта самая оптимальная. Она позволяет мне слушать свою музыку так, как я ее себе представляю.

Не знаю, в чем тут дело: в самих лампах или в конструкторской идее, в колонках или проводах. Видимо, все важно. И самое главное, меня не покидает чувство, что процесс приближения к музыке, начавшийся с появлением в моем доме этой системы, еще далеко не завершен. Хотя уже с первых минут, когда были включены только моноблоки **Manley 250** и конвертор **Manley Wave DAC/Preamp**, мне подумалось: «Вот оно! Больше ничего не нужно». Но стоило тебе привезти эквалайзер **Manley Massive-Passive** и покрутить ручки, как стало ясно, какие возможности еще таит в себе эта система! Наверное, нужно с ней, как с живым человеком, какое-то время пожить, наладить внутреннюю эмоциональную связь, и тогда она раскроет все свои секреты.

М. К. А если подробнее, какие черты этой системы ты мог бы отметить?

И. Л. Трудно расписать все по пунктам. Она меня устраивает, и все тут. Мои друзья, увидев впервые мою новую аппаратуру, эти необычные колонки, тоже часто спрашивают: «А чем они хороши? Громко играют? Или как-то еще?» Послушав же, соглашаются: да, хорошо; ощущение не такое, как от звучания хорошей аппаратуры, — а как будто перед вами выступает живой ансамбль. Точно он здесь же, в комнате. Короче говоря, эффект присутствия, ощущение реальности. Причем на музыке разных жанров. Я тут как-то запустил **Kraftwerk**, так у них такие суббасы зазвучали — я чуть было не подумал, что соседи опять начали ремонт! И не потому, что бас был сверхмощным, а потому, что он был реальным.

М. К. Как бы ты отнесся к заявлению о том, что сверхзадача «хайэндшиков» — переступить через этап воспроизведения как таковой и выйти сразу на стадию эмоционального восприятия музыки?

И. Л. Задача правильная, но, думаю, в одиночку вам с ней не справиться. Между реальностью музыки и слушателем помимо аппаратуры есть и другие инстанции. Приведу пример. Несколько лет назад мы в Англии сводили наш живой концерт в формате 6.1. Тогда еще не было устоявшихся канонов, каким должен быть *Surround*-звук, каждый имел об этом собственное представление и предлагал свой способ разбросать инструменты по каналам. А для меня и тогда, и сейчас самое важное, чтобы перед человеком, поставившим диск с записью, открылась бы сце-

на того самого концерта. Чтобы не записанная на диске музыка вошла к нему в комнату, а сам он как бы оказался в том музыкальном пространстве: вот группа, она играет именно так, и не иначе, у нее своя правда жизни, к которой ты сейчас общаешься и не можешь тут ничего изменить, даже сделать громче или тише.

М. К. Но все же колонки **Magnepan** не являются традиционными, как та ящичная акустика, с которой вы работаете в студии. И как лично для тебя звучат записи, сделанные тобой в студии, когда ты потом слушаешь их на своих нетривиальных колонках дома?

И. Л. Для меня они звучат реально. Здесь не тот случай, чтобы пользоваться примитивной схемой «нравится — не нравится». Я ставлю запись, и вот она, ситуация — как есть, настоящая, не нарисованная.

М. К. Я чаще пользуюсь несколько иной схемой: «лучше — хуже». Не абсолютной, а относительной. Вот, например, когда мы заменили изначально хорошие кабели в твоей системе на еще более продвинутые **Kimber Kable** и **Stereovox**, ты отметил явное улучшение. Или когда я принес две копии одного и того же диска, сделанные слегка по-разному, ты сказал, что одна из них звучит более выразительно.

И. Л. Конечно. Стремление к перфекционизму не имеет пределов. Но в принципе я к этому отношусь нормально. Меняя провода, ты обустриваешь свое звуковое пространство, делаешь его более «уютным». Это примерно то же самое, что и постоянное стремление улучшить жилое пространство своей квартиры, сделать условия быта еще более благоприятными для тебя самого.

М. К. А почему ты выбрал именно колонки **Magnepan** из всего, что тебе предлагали?

И. Л. Я пришел к этому довольно неожиданно. Сначала, задумав обновить аппаратуру, я был ориентирован на то, чтобы получить больше громкости, динамики. Но, послушав эти **АС**, я понял, что чаша весов склоняется на сторону той реалистичности, которую они способны обеспечить. И кое-какие из ценностей «прошлого» — к примеру, та же «глупая» динамика — в моих глазах даже как-то потускнели. Я коснулся чего-то гораздо более важного, возвышенного, что ли, не оторвавшись при этом от реальности звучания инструментов, живых голосов. ▶

М. К. В аудиофильской прессе сформировался определенный язык, и, пользуясь им, в отношении АС **Magnepan** можно сказать, что они дают больше микродинамических контрастов. Затухание звуков происходит более естественно, все ноты, паузы и такты доигрываются до конца, а не “зависают на полуслове”. За счет этого лучше передается и индивидуальная исполнительская манера музыкантов. Многие утверждают, что рояль звучит на них именно как рояль, а не как механическое пианино — в отличие от ящичных колонок.

И. Л. Тут еще надо помнить о том, что не всякая музыка содержит те грациозные затухания, о которых ты говоришь. Если взять современные жанры, то там, как правило, звучит не рояль, а в лучшем случае хороший сэмпл. Там другие средства выразительности. Хотя... Во время записи моего последнего альбома мне пришла в голову шальная мысль. В студии стоял настоящий **Steinway**, и я вдруг загорелся идеей: пусть наш клавишник слабаек на нем одним пальцем пару тактов! Вот так, нарочито грубо — и на таком рояле! При этом клавишник, глядя на инструмент, почти плакал слезами благоговения. Звукорежиссер тоже впал в транс, он даже придумал потом такое определение: “One Finger Steinway”. Но я настаивал, и не потому, что хотел учинить акт вандализма, просто, видя отношение музыкантов к этому волшебному инструменту, я предположил: а вдруг этот эмоциональный подъем на грани шока сможет просочиться в фонограмму даже через один палец, и даже в рамках жанра поп-музыки! Интересно, смогут ли колонки воспроизвести такую “косвенную” эмоциональность? И дойдет ли она до всех слушателей или только до “избранных”?

М. К. Здесь я вижу определенное противоречие — между твоим заявлением, что твоя музыка адресована широкой аудитории, и тем, что ты ждешь реакции избранных на некую зашифрованную эмоциональность...

И. Л. Но это же действительно интересно! Хотя по поводу “особой” эмоциональности могу сказать, что многие люди ее ищут. Экспериментируют с теми возможностями, которые дает студийное оборудование, и не только. Можно, например, записать барабаны в замке или даже в туалетной комнате — получится необычно. Но по большому счету результат все равно определяется качеством материала, содержанием. Украшать оригинальными штучками можно что-то изначально интересное, а примитив этим не спасешь.

М. К. Усилить эмоциональное воздействие музыки на слушателя — это и есть наша цель, цель аудиофилов. Но здесь мы очень нуждаемся в поддержке со стороны музыкантов. На деле существует изолированный круг любителей музыки, и он имеет крайне слабое взаимодействие с кругом музыкантов. В музыкальной литературе ни слова не сказано об аудиофильских ценностях, хотя порой ее пишут очень известные звукорежиссеры. Но и в нашей специальной прессе практически ни слова нет о том, как эта музыка делается.

И. Л. Это, наверное, похоже на вечный спор физиков и лириков, которые друг друга в принципе понять не могут, потому что у них разный код ДНК. Но при этом дополняют друг друга.

М. К. Физики с лириками — положим, все это так. Но вот взять наш случай: у нас с тобой налицо практически полное взаимопонимание. Может быть, ты не типичный лирик или я — физик, но ты абсолютно верно, с моей точки зрения, подметил главные особенности АС **Magnepan**. И тот факт, что тебе хватило получаса, чтобы сформулировать свои предпочтения, говорит о том, что наши с тобой реакции на “качество” музыки во многом одинаковы. Качество я беру в кавычки, поскольку здесь есть и художественные, и технологические аспекты. Ты правильно отметил, что системы **Magnepan** больше подходят для акустической музыки — классики, джаза. Мне кажется, в этом-то и состоит высокое предназначение такой аппаратуры — раздвинуть перед слушателем горизонты, способствовать расширению его кругозора. В какой-то момент у нас внутри появляется импульс перейти привычную грань, приобщиться к чему-то новому. И если аппаратура поддерживает этот импульс, мы начинаем слушать иную, порой более серьезную музыку, получаем пропуск в тот мир, который до этого был нам недоступен. В определенном смысле, как я считаю, слушать до седых висков один лишь *Deep Purple* — это своего рода признак дебилизма, стагнация в духовном развитии. Ты с этим согласен?

И. Л. В общем, да. Хотя нужно помнить, что могут быть разные цели. Вот я, может быть, поставлю себе еще и другие колонки — для дискотек. АС **Magnepan** — они для вдумчивого прослушивания, изучения, духовного возвышения, которое дает музыка. А есть и другой источник эмоций — безудержное дискотечное веселье, динамика, “точечный массаж”. Это, конечно, более приземленно, на уровне “основных инстинктов”, но иногда люди хотят просто повеселиться, выплеснуть энергию... Такие АС не для этого.

М. К. И опять ты говоришь абсолютно правильные вещи! А ведь многие журналы валят все в одну кучу, декларируя “универсальность” систем и утверждая, что самые лучшие из них одинаково хорошо играют музыку любого жанра. Почему АС **Magnepan** так здорово воспроизводят самую сложную музыку: акустические инструменты, живые голоса? Парадокс, но это так — потому что принцип, положенный в основу их конструкции, предельно прост. Что может быть проще пленки между двумя магнитами! И если изодинамические излучатели этих систем можно

сравнить с реактивным двигателем, то динамические системы — с двигателем внутреннего сгорания, в котором полно трущихся деталей, разных противоречивых с инженерной точки зрения решений. Болезнь нашей индустрии заключается в том, что почему-то производители предпочитают плохо делать сложные вещи, нежели хорошо — простые!

И. Л. Наверно, из коммерческих соображений. Универсальность же хороша до определенных пределов, дальше она только вредит. Все зависит от того, насколько человек “продвинут” в своей области. Слушатель, который постоянно охотится за новыми ощущениями — а как слушатель я именно таков, — действительно получает вместе с этими АС отличное средство, стимулирующее развитие хорошего вкуса. Он учится лучше вникать в содержание музыки, открывая при этом такие глубины, что дух захватывает. Обычные колонки — это как поверхностное знакомство, знакомство на уровне “Как вас зовут?..” А АС **Magnepan** — как будто ты в общении уже начинаешь понимать, что за человек перед тобой...

М. К. В общем, из нашей беседы я могу сделать такой вывод: на самом деле и вы, музыканты, и мы, аудиофилы, говорим на одном языке. Пусть и при наличии небольшой разницы в диалектах. И наша разобщенность не является непреодолимым препятствием. Мы просто обязаны начать делать шаги навстречу друг другу, узнавать друг о друге больше — это всем пойдет на пользу. Спасибо! ■

